

УДК 81'38
ББК 81.2Рус-5

С. В. Мкртычян
Тверь, Россия

S. V. Mkrtytchian
Tver, Russia

**РЕЧЕВОЙ ЖАНР:
О ЕДИНИЦАХ СТРУКТУРИРОВАНИЯ
ПРОДУКТА РЕЧЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

**SPEECH GENRE:
THE UNIT OF PRODUCT STRUCTURING
OF SPEECH ACTIVITY**

***Аннотация.** В статье обсуждается проблема развития теории речевого жанра.*

Обозначены три узко специфические направления, которые требуют либо расширения трактовки понятия речевого жанра, либо введения нового уточняющего термина по отношению к ограниченному материалу.

Во-первых, за рамками речевого жанра остаются межжанровые образования делового дискурса. Во-вторых, понятие жанра не релевантно для анализа продукта дискурсивной деятельности, поскольку связано с устным и письменным текстом. Наконец, в теории речевого жанра кажется перспективной разработка когнитивного и психолингвистического аспектов.

В качестве единицы структурирования продукта речевой деятельности предлагается двуединая когнитивно-коммуникативная единица речевая тактика / тактический ход. Обсуждается целесообразность её применения: она позволяет структурировать и моделировать межжанровые образования устного делового межличностного дискурса, даёт возможность анализировать продукт дискурсивной деятельности, учитывает когнитивную и психолингвистическую основу речевой деятельности.

***Ключевые слова:** речевой жанр, коммуникация, речевая тактика / тактический ход, когниция.*

***Abstract.** The article discusses the problem of speech genre theory development.*

There are three specific areas that require either extending interpretations of the speech genre concept, or imposing a new specializing term.

First, intergenre phenomena of administrative discourse remain outside speech genre. Then, the concept of genre is not relevant for discursive activity product analysis, because it is associated with oral and written text. Finally, in speech genre theory seems to be perspective study of the cognitive and psycholinguistic aspect.

A dual cognitive-communicative unit "speech tactics / tactical move" is suggested as a unit of speech activity product structuring. Its advantages are discussed: it allows to structure and model intergenre phenomena, gives the opportunity to analyze a discourse activity product of oral interpersonal administrative communication, and takes into consideration the cognitive and psycholinguistic basis of speech activity.

***Key words:** speech genre, communication, speech tactic / «tactical move», cognition.*

***Сведения об авторе:** Мкртычян Светлана Викторовна, доктор филологических наук, доцент кафедры теории языка и перевода.*

Место работы: Тверской государственный университет.

***E-mail:** mkrtytchian@mail.ru*

***About the author:** Mkrtytchian Svetlana Viktorovna, Doctor of Philology, Assoc. Professor of the Department of Language Theory and Translation.*

Place of employment: Tver State University.

Моделирование механизмов речевого общения в различных ситуациях социального взаимодействия в современной лингвистике традиционно связывается с понятием речевого жанра, теория которого основывается на концепции М. М. Бахтина.

Корпус исследований, посвященных изучению и описанию речевых жанров обширен. Речевые жанры исследуются в различных аспектах (семантическом, синтаксическом, прагматическом и др.). Общая привлекательность речевого жанра связывается в первую очередь с тем, что, не будучи собственно языковой единицей, речевой жанр выступает как форма «упаковывания» высказывания в речи. Двойственность подобного рода позволяет примирить некие сложности, вызванные разграничением языка и речи.

Моделирование речевого жанра зачастую смыкается с лингвистикой текста, а сам речевой жанр рассматривается как тип устного или письменного текста.

Все перечисленные теоретические посылы, безусловно, перспективны и значимы. Однако, строго подходя к процессу структурирования продукта речевой деятельности, уже на первый взгляд обнаруживаются так называемые «точки роста», требующие определенных уточнений, которые могут рассматриваться как дальнейшее развитие теории речевого жанра по крайней мере по отношению к ограниченному материалу.

Первое. Трудно оспорить наличие межжанровых образований, которые могут претендовать на особый статус.

В качестве примера обратимся к структуре деловой речи. Так, Н. К. Гарбовский, характеризуя профессиональную речь как жанрово организованную, предлагает отграничить её от других разновидностей речевой

коммуникации в деловой сфере, которые не имеют отчетливой жанрово выраженной принадлежности. О существовании промежуточной формы речи, лишенной жанровой организации, пишет М. В. Колтунова в докторской диссертации «Конвенциональность как основа делового общения». «Важно отметить, что собственных канонизированных жанров, имеющих чёткую партитурную сценарную основу, полуофициальное общение не имеет» [1 : 198]. Та часть деловой речи, которая имеет сомнительный жанровый статус, занимает периферийное место в общей структуре деловой речи и понимается как такая её разновидность, в которой наряду с признаками стиля научного и/или официально-делового изложения отчётливо обнаруживаются и признаки разговорности. При таком разграничении понятий устная деловая речь приобретает максимально широкое значение и охватывает как профессиональную, так и другую не имеющую отчётливо жанрово выраженной принадлежности речь, являющуюся средством межличностного общения, связанного с непосредственной и косвенной реализацией субъектом речи его статусно-ролевой функции, которая при этом не всегда тематически связана с профессиональной деятельностью.

Сказанное как нельзя наглядно свидетельствует о «втиснутости» (как выразился В. Е. Гольдин), речевого жанра между понятиями речевого акта, текстового типа и другими.

Подобного рода «втиснутость» наводит на мысль о расплывчатости самого понятия речевого жанра, точнее, о возможности понимать его, с одной стороны, принципиально широко (от реплики диалогического взаимодействия), и в этом случае межжанровость – это лишь призрачное следствие терминологической омонимии. С другой стороны, жанровое членение речи может иметь весьма чёткие контуры, что хорошо согласуется с идеей «анкеты» речевого жанра (по Т. В. Шмелёвой) и, следовательно, в таком понимании они не совпадают с семантическими примитивами, о которых А. Вежбицкая пишет как о структурных составляющих речевого жанра [2]. В этом же русле речевые жанры рассматривает Н. Д. Арутюнова, предлагая в соответствии с иллюкутивным критерием, выделить следующие жанры диалогического взаимодействия: 1) информативный диалог (make-know discourse); 2) прескриптивный диалог (make – do discourse); 3) обмен мнениями с целью принятия решения или выяснения истины (make-believe discourse); 4) диалог, имеющий

целью установление или регулирование межличностных отношений (interpersonal-relations discourse); 5) праздноречевой диалог (fatic discourse) [3 : 65]. Перечисленные разновидности речевого жанра свидетельствуют об укрупнённости понимания обсуждаемого понятия.

Понятие «жанроид», используемое В. В. Дементьевым и К. Ф. Седовым, а также рубрика под названием «Жанры и околожанровое пространство» в журнале «Жанры речи» (который последовательно продолжает и развивает традиции самой крупной и уважаемой отечественной школы жанроведения), как мы полагаем, свидетельствуют о том, что при моделировании социального взаимодействия термином «жанр» ограничиться не всегда удаётся.

Второе. Традиционно понятие жанра обращено к тексту. Здесь явно недостаточно вспомнить «вторичные» жанры, относящиеся к крупным художественным формам. Уместнее упомянуть о неразрывной связи речевого жанра и лингвистики текста. Не углубляясь в дискуссию по поводу трактовки текста, обозначим проблему в общем виде: текст (который может быть как устным, так и письменным) и продукт дискурсивной деятельности, к которому тяготеют межжанровые образования, являются разнопорядковыми понятиями.

Различия между текстом и продуктом дискурсивной деятельности обусловлены отличиями коммуникативной деятельности от тестовой.

Цель дискурсивной (коммуникативной) деятельности – организация коммуникации, а текстовой – создание продукта коммуникации (он может быть и устным!). Собственно коммуникативная деятельность характеризуется экстерииоризацией речевого поведения. Напротив, в текстовой деятельности сам процесс и стратегия речевого поведения скрыты от адресата: речевое поведение автора интериоризовано, оно протекает в режиме внутренней рефлексии, направленной на отбор речевых поступков и форм их выражения. Иными словами, в текстовой деятельности речеповеденческая сторона деактуализирована для адресата (например, в ситуации подготовленного общения).

Коммуникативная и текстовая деятельность имеют различные установки: одна ориентирована на взаимодействие, другая – на отчуждаемость продукта (доклада, сообщения, презентации, тоста и т. п.). Следовательно, коммуникативная деятельность реактивна, спонтанна, имеет реального адресата (процессы производства и понимания

совмещены во времени). Текстовая деятельность рефлексивна, подготовлена (процессы производства и понимания речи разобщены во времени).

Отличия продукта этих видов деятельности состоят в следующем:

1. Результат тестовой деятельности – сознательно организованный речевой продукт. Продукт дискурсивной (коммуникативной) деятельности – эмпирически воспринимаемое речевое поведение коммуниканта, а её результат лежит в сфере практической деятельности участников общения. Результат коммуникативной (дискурсивной) деятельности имеет перлокутивный потенциал: речевые действия направлены на достижения конкретного результата. Речевой продукт предназначен для кратковременного (по сравнению с текстом) пользования, он не предназначен для сохранения в фиксированном виде, но обладает свойством быть зафиксированным в специальных исследовательских целях. Акт его отчуждения (письменная фиксация) есть акт насильственный, искусственный, вырывающий продукт дискурсивной деятельности из естественной среды его функционирования, из контекста жизни, где он предназначен только для непосредственных участников. Это слово, по выражению М. М. Бахтина, «боится третьего и ищет только временного признания у ближайших адресатов» [4 : 306].

2. Продукт коммуникативной деятельности в силу своей зависимости от обстоятельств коммуникативного события не может быть воспроизведён (даже намеренно) в том виде, в котором он первично произведён.

3. В условиях коммуникативной деятельности требования к качествам продукта речи ослаблены, который в свою очередь не является каноническим и соответствует иным критериям нормального. Канонический текст характеризуется осознанной организованностью, продуманностью, простроенностью, способен автономно функционировать вне условий породившего его ситуативного контекста. Открыт для последующей рефлексии и интерпретаций.

4. Текст и продукт дискурсивной деятельности имеет различные формы смысловой и структурной организации, обусловленные присутствием адресата и его непосредственным участием (даже молчаливым) в акте коммуникации. С этим связан, например, эксплицитный диалогизм продукта дискурсивной деятельности.

Примечательно, что в лингвистике продукт дискурсивной деятельности, с одной стороны, называют текстом, например, устный текст (М. В. Китайгородская, Н. Н. Ро-

занова), *текст в событийном аспекте* (Н. Д. Арутюнова), *разговорный текст* (М. А. Кормилицина); с другой стороны, стремятся избежать использования термина «текст», заменяя его, например, следующими: *устный коммуникат* (Д. О. Брчакова), *диалогическое единство* (Н. А. Купина), *текстоид* (О. Б. Сиротинина).

Третье. Моделирование речевых жанров зачастую слабо учитывает когнитивную и психолингвистическую основу речевой деятельности. Между тем, справедливыми кажутся рассуждения Т. В. Шмелевой о наличии «интуитивной жанровой рефлексии» носителей языка и о представленности речевого жанра в речевом сознании говорящего.

А. Г. Баранов, предлагая иерархию из пяти моделей: текстотип, суб-тип, жанр, когнитотип, текст, тем самым обращает наше внимание на то, что, во-первых, когнитивная основа речи при моделировании единиц структурирования речевого продукта должна учитываться, во-вторых, модели *речевой жанр* и *когнитотип* суть модели разные [5].

Как попытка интегративного подхода с учётом сказанного выше любопытна концепция речевого жанра, разрабатываемая К. А. Долининым. «Речевой жанр представляет собой стереотип речевого поведения, возникающий как функция устойчивого, повторяющегося сочетания типовых значений ряда аргументов – параметров коммуникативной ситуации» [6 : 69]. К этим параметрам относится «субъект речи, рассматриваемый как носитель некоего статуса, роли, как субъект некоего действия, преследующего определённую роль, и как личность; адресат в тех же четырёх ипостасях; наблюдателя; референтную ситуацию, какой она является "на самом деле"; канал связи; общий контекст деятельности; время, место и окружающую обстановку» [6 : 72]. Исследователь выделяет три аспекта значимости феномена речевого жанра: когнитивно-конструктивный, социально-психологический и социокультурный. В соответствии с когнитивно-конструктивным подходом речевой жанр образуется по определённым правилам, канонам, представляющим собой «типичные способы совершения и обычный порядок протекания речевых событий» [6 : 72]. Согласно когнитивно-конструктивному подходу речевые жанры являются неотъемлемой частью сценариев (ситуационных моделей), описывающих социальное взаимодействие. Когнитивно-конструктивная функция речевого жанра заключается в том, что он служит для говорящего моделью, образцом построения текста, а для адресата – ориентиром соот-

ветствующих способов восприятия текста и ответной реакции на него.

Здесь следует внести некоторые уточнения, дабы избежать превратного толкования изложенного выше. Безусловно, жанр (и не только жанр, но и слово, стиль, тип текста, грамматические и синтаксические конструкции и т.д.) имеет когнитивную основу. Почти всё в языке и речи может рассматриваться как средство доступа к мыслительным процессам. Однако отличительная черта когнитивной лингвистики состоит в том, что она предлагает не столько концепции самого языка-речи (термин проф. В. И. Ивановой, представителя Тверской школы прагматики), сколько концепции ментальных (т.е. мыслительных) процессов, лежащих в его основе. А ответ на вопрос, какого рода информация передаётся посредством языка, среди когнитивистов разногласий не вызывает. Эта информация состоит из ментальных репрезентаций и отсылает к миру, организованному разумом, а не к реальному миру (см., например, программные работы Р. Джакендофа). Поскольку доступа к психическим процессам и объектам нет и проверить непосредственно правильность построения теоретической модели невозможно, то когнитивисты называют различные форматы ментальной репрезентации. Для моделирования ментальных процессов и ментальных репрезентаций применяется особый терминологический аппарат. Среди этих терминообразований (*образная и вербальная репрезентации, пропозиция, концепт, фрейм, сценарий, слот* и др.) по понятным причинам понятие «жанр» отсутствует. Это отнюдь не означает, что жанр лишён когнитивной основы, но это свидетельствует о том, что ментальная репрезентация как мысленное представление о жанре, может претендовать на введение отдельного термина и может моделироваться в соответствии с принципами когнитивной лингвистики и моделями порождения речемыслительного процесса в терминах когнитивной лингвистики и психолингвистики. Именно это мы имеем в виду, когда утверждаем, что термин «жанр» слабо учитывает когнитивную и психолингвистическую основу речевой деятельности. Иного не может быть в силу «привязанности» терминологии к определённым лингвистическим школам и направлениям. Полагаем, что такой подход никоим образом не перечёркивает достижения жанроведения, а, наоборот, стимулирует уточнение существующих моделей речепорождения с учётом «жанровой рефлексии». В сборниках «Жанр и концепт» (2005 г.) и «Жанр и культура» (2007 г.) обсуждение проблем «когнитивной генристики»

не привело к их однозначному разрешению и не может привести на современном этапе развития когнитивной лингвистики, которая находится в стадии формирования. Полагаем, что это направление может рассматриваться как «точка роста» в развитии теории жанра.

Три основания, изложенные выше, свидетельствуют в пользу расширения теории речевого жанра. Эти идеи могут быть развиты в двух направлениях. В одном случае само понятие речевого жанра будет требовать существенных уточнений по причине разноаспектности его теоретического изучения и в силу разнообразия и широты «репертуара» описываемых речевых жанров. В другом случае может быть предложен новый специфический менее «занятый» термин, не отягощённый излишней исследовательской коннотативностью.

Например, в качестве единой операционной аналитической единицы структурирования продукта дискурсивной деятельности можно использовать *речевую тактику / тактический ход*. *Речевая тактика* трактуется нами как интерактивный фрейм, сетевая структура, имеющая ядерный узел интенционального характера. В качестве типовых узлов выступают пропозиции типовых тактических ходов. Под фреймом понимается интерактивная когнитивная динамическая структура знаний, характеризующаяся интенциональным принципом организации и наличием конвенционального начала.

Поясним свою позицию. При всём многообразии тематических планов развертывания коммуникативной деятельности существуют определённые доминанты, которые имеют когнитивно-коммуникативную природу и в акциональных подходах к исследованию дискурса описываются в терминах *речевая / коммуникативная тактика* и *речевая / коммуникативная стратегия*. В лингвистической литературе упомянутые термины либо трактуются один через другой, либо не различаются. При всей неопределённости границ между ними и размытости описываемого ими явления их дефиниции отчётливо указывают на «потенциальную когнитивность» (*тип поведения, глобальный уровень осознания ситуации, генеральная интенция, коммуникативный план* и т.д.) и на родовидовой характер их отношений. Ср., например, неоднозначные трактовки терминов *ре-*

чезая / коммуникативная тактика и речевая / коммуникативная стратегия в лингвистической литературе: под коммуникативной стратегией можно понимать тип поведения автора дискурса, который находится в соответствии с глобальной и локальными целями последнего (Л. Г. Васильев [7 : 34]), глобальный уровень осознания ситуации общения в целом, когнитивный процесс, в котором говорящий соотносит свою коммуникативную цель с конкретным языковым выражением (О. Я. Гойхман, Т. М. Надеина [8 : 200]), система осуществляемых адресантом операций выбора и комбинирования, тематического оформления и текстового кодирования коммуникативных действий под контролем соответствующей стратегической цели (А. В. Голоднов [9 : 11]), своего рода коммуникативный план, который предполагает определённые коммуникативные цели (на фоне определённых установок) и для которого необходима определённая коммуникативная компетентность (М. В. Горбаневский [10]), совокупность, единство коммуникативных и практических целей (Б. Ю. Городецкий [11]), творческая реализация коммуникантом плана построения своего речевого поведения с целью достижения общей (глобальной) языковой (неязыковой) задачи общения (В. П. Зернецкий [12 : 40]), когнитивный план общения, посредством которого контролируется оптимальное решение коммуникативных задач говорящего в условиях недостатка информации о действиях партнера; комплекс речевых действий, направленных на достижение какой-либо цели (О. С. Иссерс [13 : 100]), тип поведения, который обусловлен и соотносится с планом достижения глобальной и локальных коммуникативных целей в рамках типового сценария функционально-семантической репрезентации интерактивного типа (А. А. Романов [14 : 103]), основная задача, генеральная интенция в рамках данного коммуникативного процесса (Я. Т. Рытникова [15 : 94]), обусловленные коммуникативной целью общие стереотипы построения процесса коммуникативного воздействия в зависимости от условий общения и личности коммуникантов (И. А. Стернин [16 : 14]), общий замысел конкретной цели общения (Н. И. Формановская [17 : 14]).

Приведённые трактовки свидетельствуют о некоем противоречии: например, О. С. Иссерс рассматривает стратегию одновременно то как когнитивный план общения, то как комплекс речевых действий, направленных на достижение какой-либо цели [13]. Последнее понимание стратегии как набора коммуникативных действий ограничено, поскольку вы-

зывает необходимость говорить об общей коммуникативной цели, плане и т.п.

В. Е. Чернявская, пытаясь снять образовавшееся противоречие между пониманием стратегии как общей установки и комплекса речевых действий, пишет, что «стратегии могут быть общими – доминирующими – и частными, вариативно реализующими и общую стратегию» [18 : 46. Разрядка моя. – С. М.].

С «объединяющей» точки зрения согласно логике интегративного подхода неизбежно требуется соотнести *речевую / коммуникативную стратегию и тактику* с единицами когнитивного и коммуникативного уровней.

В основе коммуникативной стратегии лежит намерение, однозначная и окончательная интерпретация которого «достаточно проблематична, если не иллюзорна» [13 : 138]. Под коммуникативной установкой мы предлагаем понимать общую установку языковой личности, мотивирующую следование конфликтной или кооперативной коммуникативной стратегии. Установку, вслед за С. А. Сухих с опорой на теорию установки Д. Н. Узнадзе, мы трактуем как «принципиально не осознаваемую целостно-личностную модификацию личности, в соответствии с которой происходит вероятностная организация и вероятностное регулирование индивидом его конкретной деятельности» [19 : 71].

Речевая тактика рассматривается нами как тип интерактивного фрейма, который как сетевая структура имеет ядерный узел интенционального характера. Вопрос о пропозициональном механизме, будучи ограниченными рамками статьи, здесь мы опускаем.

О возможности «вписать» термин «речевая тактика» в терминоплатформу когнитивной лингвистики свидетельствуют некоторые лингвистические определения: «локальные риторические приёмы и линии речевого поведения» [8 : 200. Разрядка моя. – С. М.], «гибкое динамическое использование говорящим имеющихся у него вербальных умений построения речевого хода согласно намеченному плану речевых действий с целью достижения языковой задачи общения, ограниченной рамками речевого взаимодействия» [12 : 39. Разрядка моя. – С. М.], конкретная реализация стратегии, совокупность действий, выполняемых нами в той или иной последовательности, которые реализуют / не реализуют коммуникативную стратегию и подчиняются / не подчиняются тем или иным правилам [10].

Косвенным доказательством существования глубинной когнитивной структуры речевых тактик могут служить результаты проведённого нами эксперимента. В задании испытуемым было предложено привести обычные высказывания в обозначенной коммуникативной ситуации (установление неформальных отношений). В большинстве случаев были получены не текстовые примеры, а ответы, отражающие представления о сущности речевой тактики. Это убеждает в наличии у каждого индивидуума собственного репертуара речевых тактик, не осознаваемых в обычных ситуациях без специального стимула. Например, описание коммуникативного поведения при ответе на вопрос «*Что Вы скажете?*» зачастую принимает такой вид: *подойду поздороваюсь, справлюсь о здоровье, выражу свое неудовольствие* и т. д.

Тактический ход выступает минимальной значимой единицей дискурса (аналог коммуникативного хода, это минимальная спонтанная реплика диалогического взаимодействия); он реализует речевую тактику, направляет общение к достижению намеченной коммуникативной цели и служит практическим средством говорящего для реализации коммуникативной стратегической установки.

Исследование репертуара типовых речевых тактик / тактических ходов применительно к управленческой коммуникации представлено в докторской диссертации «Управленческие коммуникативные стили в социально стратифицированном дискурсе (на материале русского языка)» [20]. Первый этап исследования содержит моделирование типовых речевой тактики / тактических ходов, втором этапе посвящён анализу дискурсивных фрагментов сквозь призму типовых речевых тактик / тактических ходов.

В качестве примера приведём моделирование речевой тактики / тактических ходов реагирования на нападение. С этой целью исследовались реакции испытуемых (85 человек) из трёх социальных сфер. В качестве одной из стимульных предлагалась реплика «*Ну почему вы такой агрессивный?*». Полученные ответы распределялись в зависимости от общей стратегии поведения. Были выявлены следующие речевые тактики / тактические ходы: для конфликтной стратегии: 1) встречное нападение с согласием *Да, агрессивный, не то, что вы*, 2) встречное нападение с отрицанием *Это я-то агрессивный? Да вы лучше на себя посмотрите*, 3) индифферентное встречное нападение *Это ещё вы откуда взяли?*; для кооперативной страте-

ги и : 1) самооправдание без согласия *Я не агрессивный, а активный*; 2) самооправдание с согласием *Если я не буду агрессивным, дело не сделается.*; 3) внешнее согласие (уклонение от оценки) *А агрессивность иногда бывает даже полезна.*

Целесообразность применения предлагаемой единицы по отношению к ограниченному материалу (в частности, по отношению к устному деловому межличностному дискурсу) заключаются в следующем: двуединная когнитивно-коммуникативная единица речевая тактика / тактический ход позволяет структурировать и моделировать межжанровые образования устного делового дискурса, содержащие спонтанные реплики диалогического взаимодействия; даёт возможность анализировать продукт спонтанной дискурсивной деятельности (тактический ход ориентирован на вербальную наличность), учитывает когнитивную основу речевой деятельности прежде всего своей попыткой адаптировать термин «речевая тактика» к метаязыку когнитивной лингвистики.

Речевой жанр соотносим с речевой тактикой / тактическим ходом и как центральная единица исследования речевой коммуникации уверенно продолжает оставаться исключительно перспективным понятием. Антропоцентричность современной лингвистики и расширяющиеся горизонты привлекаемого материала способны обогатить как теорию, так и практику исследования речевого жанра. Генерирование новых идей, как мы полагаем, напрямую связано с поиском «точек» теоретического роста. Их пунктирное обозначение, предпринятое в рамках предлагаемой публикации, есть не более чем выражение субъективного взгляда автора на проблематику, обозначенную в заглавии статьи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Колтунова М. В. Конвенциональность как основа делового общения : дис. ... д-ра филол. наук. М., 2006. 286 с.
2. Вежбицкая А. Речевые жанры // Жанры речи : сб. науч. тр. / под ред. В. В. Дементьева. Вып. 1. Саратов : Колледж, 1997. С. 34–48.
3. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М. : Языки русской культуры, 1998. 895 с.
4. Бахтин М. М. Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках. Опыт философского анализа // Эстетика словесного творчества. М. : Искусство, 1979. 421 с.
5. Баранов А. Г. Когнитивность текста. К проблеме уровней абстракции текстовой деятельности // Жанры речи : сб. науч. тр. / под ред. В. В. Дементьева. Вып. 1. Саратов : Колледж, 1997. С. 4–12.

6. Долинин К. А. Речевые жанры как средство организации социального взаимодействия // Жанры речи : сб. науч. тр. / под ред. В. В. Дементьева. Вып. 2. Саратов : Колледж, 1999. С. 65–78.

7. Васильев Л. Г., Анкудинова А. И. Речевоздействующие монологические стратегии // Сб. науч. тр. междунар. науч.-практич. конф. 1–2 апреля 2011 года. Тверь : Изд-во Твер. гос. ун-та, 2011. С. 34–35.

8. Гойхман О. Я. Надеина Т. М. Речевая коммуникация. М.: ИНФРА-М, 2006. 272 с.

9. Голоднов А. В. Лингвопрагматические особенности персуазивной коммуникации (на материале современной немецкоязычной рекламы) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2003. 16 с.

10. Горбаневский М. В. Язык конфликта. URL: <http://expertizy.narod.ru>. (дата обращения: 12.04.2007).

11. Городецкий Б. Ю. От лингвистики текста – к лингвистике общения // Язык и социальное познание. М. : Изд-во АН СССР, 1990. С. 39–56.

12. Зернецкий В. П. Лингвистические аспекты теории речевой деятельности // Языковые процессы и единицы : межвуз. сб. науч. тр. Калинин : Изд-во КГУ, 1988. С. 36–41.

13. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи М : КомКнига, 2006. 288 с.

14. Романов А. А. Системный анализ регулятивных средств диалогического общения : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1990. 38 с.

15. Рытникова Я. Т. Гармония и дисгармония в открытой семейной беседе // Русская разговорная речь как явление городской культуры / под ред. Т. В. Матвеевой. Екатеринбург : АРГО, 1996. С. 94–115.

16. Стернин И. А. Введение в речевое воздействие. Воронеж : Изд-во ВГУ, 2001. 252 с.

17. Формановская Н. И. Речевое взаимодействие: коммуникация и прагматика. М. : ИКАР, 2007, 480 с.

18. Чернявская В. Е. Дискурс власти и власть дискурса : проблемы речевого воздействия : учеб. пособие М. : Флинта ; Наука, 2006. 136 с.

19. Сухих С. А. Речевые интеракции и стратегии // Речевое общение и его единицы : межвуз. сб. науч. тр. Калинин : КГУ, 1986. С. 71–76.

20. Мкртычян С. В. Управленческие коммуникативные стили в социально стратифицированном дискурсе (на материале русского языка) : дис. ... д-ра филол. наук. Тверь, 2012. 411 с.

REFERENCES

1. Koltunova M. V. *Konventsionalnost kak osnova delovogo obscheniya* [Conventionality as the basis of business communication: Dr. philol. sci. diss.]. Moscow, 2006. 286 p.

2. Wierzbicka A. *Rechevyie zhanryi* [Speech genres]. *Zhanryi rechi: sb. nauch. tr.* [Speech genres: collection of scientific works. Ed. by V. V. Denentyev]. Iss. 1. Saratov, 1997, pp. 34–48.

3. Arutyunova N. D. *Yazyk i mir cheloveka* [Language and the world of man]. Moscow, 1998. 895 p.

4. Bahtin M. M. *Problema teksta v lingvistike, filologii i drugih gumanitarnykh naukakh. Opyit filosofskogo analiza* [The problem of the text in linguistics, Philology and other Humanities. Experience of the philosophical analysis]. *Estetika slovesnogo tvorchestva* [The aesthetics of literary creativity]. Moscow, 1979. 421 p.

5. Baranov A. G. *Kogniotipichnost teksta. K probleme urovney abstraktsii tekstovoy deyatel'nosti* [Cogniotypicality of the text. To the problem of levels of abstraction textual activity]. *Zhanryi rechi: sb. nauch. tr.* [Speech genres: collection of scientific works. Ed. by V. V. Denentyev]. Iss. 1. Saratov, 1997, pp. 4–12.

6. Dolinin K. A. *Rechevyie zhanryi kak sredstvo organizatsii sotsialnogo vzaimodeystviya* [Speech genres as means of organization of social interaction]. *Zhanryi rechi: sb. nauch. tr.* [Speech genres: collection of scientific works. Ed. by V. V. Denentyev]. Iss. 2. Saratov, pp. 65–78.

7. Vasilev L. G., Ankudinova A. I. *Rechevozdeystvuyushchie monologicheskie strategii* [Speechinfluencing strategy monologic]. Tver, 2011, pp. 34–35.

8. Goyhman O. Y. Nadeina T. M. *Rechevaya kommunikatsiya* [Speech communication]. Moscow, 2006. 272 p.

9. Golodnov A. V. *Lingvopragmaticheskie osobennosti persuazivnoy kommunikatsii (na materiale sovremennoy nemetskoyazychnoy reklamoy)* [Linguopragmatic features of persuasive communication on the base of modern German-language advertising. Cand. philol. sci. thesis diss.]. St.-Petersburg, 2003. 16 p.

10. Gorbanevskiy M. V. *Yazyk konflikt* (Language of conflict). Available at: <http://expertizy.narod.ru>. (accessed 12 April 2007).

11. Gorodetskiy B. Yu. *Ot lingvistiki teksta – k lingvistike obscheniya* [From text linguistics to linguistics communication]. *Yazyk i sotsialnoe poznanie* [Language and social cognition]. Moscow, 1990, pp. 39–56.

12. Zernetskiy V. P. *Lingvisticheskie aspektyi teorii rechevoy deyatel'nosti* [Linguistic aspects of the theory of speech activity]. Kalinin, 1988, pp. 36–41.

13. Issers O. S. *Kommunikativnyie strategii i taktiki russkoy rechi* [Communicative strategies and tactics of Russian speech]. Moscow, 2006. 288 p.

14. Romanov A. A. *Sistemnyiy analiz regulativnykh sredstv dialogicheskogo obscheniya* [System analysis of regulative means of communication. Dr. philol. sci. thesis diss.]. Moscow, 1990. 38 p.

15. Rytnikova Ya. T. *Garmoniya i disgarmoniya v otkryitoy semeynoy besede* [Harmony and disharmony in an open family conversation]. *Russkaya razgovornaya rech kak yavlenie gorodskoy kultury* [Russian conversation as a phenomena of urban culture]. Ekaterinburg, 1996, pp. 94–115.

16. Sternin I. A. *Vvedenie v rechevoe vozdeystvie* [Introduction to speech influence]. Voronezh, 2001. 252 p.

17. Formanovskaya N. I. *Rechevoe vzaimodeystvie: kommunikatsiya i pragmatika* [Speech interaction: communication and pragmatics]. Moscow, 2007. 480 p.

18. Chernyavskaya V. E. *Diskurs vlasti i vlast diskursa: problemyi rechevogo vozdeystviya* [The discourse of power and the power of discourse: problems of speech influence]. Moscow, 2006. 136 p.

19. Suhii S. A. *Rechevye interaktsii i strategii* [Speech interaction and strategy]. *Rechevoe obschenie i ego edinitsyi* [Verbal communication and its units]. Kalinin, 1986, pp. 71–76.

20. Mkrtyichyan S. V. *Upravlencheskie kommunikativnye stili v sotsialno stratifitsirovannom diskurse (na materiale russkogo yazyika)* [Administrative communicative styles in stratified social discourse (on the base of Russian language). Dr. philol. sci. diss.]. Tver, 2012. 411 p.

Статья получила положительные анонимные рецензии от двух докторов наук, компетентных в обсуждаемой проблематике